

причине, что действовать целюно могут только философия и искусство, вещи сами по себе цельные...

Почастный анализ заступил место стремлений к синтезу в поучающем классе, а в классе читающем и слушающем заметно совершенное отсутствие работы мысли. В самых впечатлительных натурах, вместо прежнего фанатизма веры или фанатизма безверия, развился дешевый и легкий скептицизм... Да и зачем мыслить?.. Г. Чернышевский так убедительно доказывает, что в исторической жизни народов все — вздор, кроме материального благосостояния; г. -бов так ясно видит повсюду одну глупость и подлость и с такою ясностью излагает нам наши насущные интересы, что избавляет нас от всякого труда думать: позитивисты-философы так искусно обходят все пункты, от которых можно идти к охватывающим целость жизни принципам...

А между тем мне, «ненужному» человеку, все кажется, что мы похожи на солдат, которые вполне вооруженные шли в ночной темноте, шли хоть и ощупью, но готовые на бой: на рассвете, вдруг, внезапно им указан другой пункт стремлений — и они бросились стремглав, побросавши даже оружие...

Мне все кажется также, что только то движение законно и верно, в котором сохраняется закон солидарности, последовательности, преемственности идей.

Вот вам на первый раз мои сомнения, сомнения «ненужного» человека.

Веря в одно, в неисчерпаемые тайны жизни, веря, следовательно, что жизнь умнее и меня, и всех нас, «ненужных» людей, взятых совокупно, я верю, однако, что она умнее и самих «нужных» людей, и потому-то считаю обязанностью, по крайнему разумению, констатировать факты.

один из многих ненужных людей

Нигилизм в искусстве

*Ex nihilo nihil*¹.*

Старая истина

Мы всегда были той веры, что искусство, каково бы оно ни было в данную эпоху, является всегда самым полным и притом самым вразумленным выражением смысла жизни в данную эпоху. Этим мы не хотим, конечно, нисколько умалить ни заслуг, ни достоинств науки,

* Из ничего ничто (лат.). — Ред.

но то, до чего она доходит *почастно*, — искусство часто отгадывает сразу *полно*. В искусстве первом раздается всегда слово эпохи или слово известной минуты эпохи. Мы берем в настоящем случае *слово* не в каком-либо переносном, тем менее таинственном, а в самом обыденном смысле, пожалуй, как название известной категории явлений.

Каков, например, ни на есть последний роман Тургенева, а формула: «нигилизм», «нигилисты» только с его появления перешла в общее достояние. Мы не говорим, чтобы Тургенев формулу эту выдумал; но он пустил ее в ход. С его легкой руки пошли толки о нигилизме и нигилистах в жизни, в науке, и даже не очень давно один критик заговорил о нигилизме в искусстве, указал даже на существующие уже будто бы явления нигилизма в этой сфере, даже на поэтов нигилизма. Справедливо ли указал он, — другой вопрос, но во всяком случае он почуял что-то носящееся уже в воздухе, хоть, может быть, еще не спустившееся на землю.

Но прежде чем рассуждать, спустилось ли на землю это странное что-то, носящееся в воздухе, надобно определить точнее, что такое может быть связано с понятием о «нигилизме» в искусстве.

Мы не намерены путаться в отвлеченностях. Возьмем исходною точкою тот самый образ, в котором художник воплотил идею нигилизма вообще. Удачно ли, нет ли в художественном отношении, — мы здесь не станем решать. Явно, что практически удачно, потому что многие страшно озлобились на это изображение как на клевету, многие же попытались, хотя явно искусственно, возрадоваться ему как идеалу. Клевета на что? Радость чему?

Явно, что есть «что-то», чего изображением можно раздражаться как клеветою или чего изображению можно возрадоваться как идеалу.

Отчего Базаров у Тургенева зовет себя не идеалистом (что уж, конечно, понятно) и не матерьялистом, а нигилистом?

Что такое идеализм вообще, — мы пояснять не станем. Но *чем* матерьялизм и нигилизм различны между собою, это не для всех, вероятно, ясно. А ведь *чем-нибудь* да различны. Иначе не пронеслась бы в воздухе новая формула для выражения верований... то бишь убеждений... то бишь... решительно затрудняемся выдумать слово, которое бы служило выражением «чего-то», заключающегося в новой формуле и схваченного ею в воздухе.

Вы помните, конечно, что для Павла Петровича (т. е. дяди) нигилист — это человек, который ничего не *признает*, для Николая Петровича (т. е. отца) — это человек, который ничего *не уважает*. Весьма тонкое различие, выходящее из сущности самых характеров лиц, недоумевающих перед поразившим их слух новым термином. Для Николая Петровича, человека более простого и менее тонко раз-

витого, понятие о нигилизме сливается с понятием о материализме XVIII столетия, материализме фанатическом. В его воображении промелькнули Дидро, Эльвесус², пожалуй, даже маркиз де-Сад. А Павел Петрович знает побольше: он и о «Stoff und Kraft»^{*3} слышал. Аркадий открывает им, что нигилист — это человек, который не склоняется ни перед каким авторитетом, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип.

Дело объясняется: материализм фанатический вместо веры в дух, ожесточенно им ненавидимой, имеет глубокую веру в плоть. Материализм Бюхнера *признает* за догмат веру в силу и материю. Нигилизм, неприная ни одного принципа на веру, не признаёт без проверки даже материи и силы. Верит... нет! это не слово, равно как и «убежден»... допускает... опять и это не то! как же наконец выразиться?.. ну да просто он режет лягушек и *видит*, или еще лучше — *смотрит*, что́ из этого выходит.

Между идеализмом и материализмом есть еще, вы знаете, скептицизм. Но нигилизм и не скептицизм. Скептицизм тоже *верит*, что, может быть, *есть* материя, а может быть, *есть* дух, а может быть, *есть* и материя, да *есть* и дух вместе.

Мудреная вещь *нигилизм*. Или он лукавит, т. е. он то же, что материализм, а то, не будучи идеализмом, он был бы скептицизмом, т. е. готов бы был, убедясь, поверить в то или другое, или он запутался в логических противоречиях... Да ведь он и логики, впрочем, не признает!

Дело становится еще мудренее, когда понятие о нигилизме переносится в сферу искусства. Тут в параллель с нигилизмом, кроме идеализма, его врага, и материализма, его очевидного приятеля (ибо иначе он был бы скептицизмом), кроме, наконец, скептицизма становится еще реализм, дело опять-таки совсем другое.

Собственно реализм да идеализм были до сих пор единственно законными и даже, пожалуй, равно законными формулами искусства, т. е. формулами, неотвергаемыми жизнью. Идеализм... ну хоть кого бы? — положим, величайшего идеалиста Шиллера и реализм... берем одно из современных, наглядных проявлений реализма — Писемского жизнь принимала и узаконивала вполне. Скептицизм узаконила она, положим, в Байроне, потому что под этим скептицизмом крылся жаркий, но раздраженный и растравленный противоречиями идеализм, и терпела его... ну хоть в Шелли. Материализм в виде, положим, «Larucelle d'Orléans»^{**4}, она не то что терпела, но допускала, как допускаются известные азили⁵; но в виде, например, романов де-Сада

* Материя и сила (нем.). — *Ред.*

** Орлеанская девственница (фр.). — *Ред.*

уголовно преследовала, как преследуются ею все вообще уголовные факты, или стыдилась как-нибудь явно выразить к ним сочувствие, ибо гласно, общественно еще никто, например, не цитировал стихотворений Баркова...

Но все-таки все это признанное, полупризнанное, преследуемое или из чувства приличия затаиваемое существует или существовало.

Но что же такое *нигилизм*-то в искусстве?.. Не слишком ли поторопился критик, признавший заявлениями его стихотворения одного молодого поэта? Духом, но никак, конечно, не формой, одно из них близко, правда, к мирозерцанию Баркова, другие только «понапряженнее» некоторых стихотворений Мюссе, — но не более. Нигилизма мы еще тут, как ни в одном из современных явлений, не видим. Видим усилия, иногда очень комические, человека с талантом, но с крайнею молодостью взгляда, — скакнуть выше меры, но, право, не более. Да и нечего тут видеть иного.

Всего лучше, чтобы сколько-нибудь постараться разъяснить вопрос, — выбрать несколько всеми признаваемых за образцовые произведения в различных родах искусства и приложить к ним, как требования, все различные исчисленные нами формулы, т. е. идеализм, реализм, скептицизм, матерьялизм и нигилизм.

Начнемте с мира искусств пластических. Мы знаем, например, что матерьялизм умеренный увидит хоть бы в Венере Милосской одни только отличные формы и не увидит того божественного, что видит идеализм, и того грандиозно-действительного, что *должен* признать последовательный реализм как одна из законных формул искусства. Но что же за дело до Венеры Милосской нигилизму? Базаров, когда он восхищается «свежатинкой», не есть последовательный нигилист, а хороший, но еще не крайний матерьялист. Матерьялизм допускает если не красоту форм, то по крайней мере их аппетитность, и, отнесясь довольно равнодушно к Венере Милосской, похвалит, конечно, отличные формы, но всегда предпочтет им более аппетитные формы Венеры-Каллипиги⁶, в крайних же и более последовательных своих требованиях всегда пожелает лучше красавицы живой, чем красавицы, созданной художником, яблока настоящего, чем яблока нарисованного⁷...

Нет!.. мы ошиблись в последнем случае: матерьялизм еще может подчас пожелать любострастных изображений. Вот авось-либо здесь-то мы и доберемся до *сути* дела, вот, может быть, тут-то мы и поймем настоящее слово так называемого нигилизма.

Ко всему относясь критически, он в отличные формы, как в формы, не верит, точно так же, как ни во что не верит, тем менее в красоту, в понятие общее. С другой стороны, тоже вследствие критического отношения ко всему, он медицински дознает ненормальность напря-

женных в своих крайностях стремлений матерьялизма. Он не будет даже дразнить себя изображением, положим, яблоков, а просто здорово скажет, что яблоко настоящее всегда вкуснее, чем яблоко нарисованное.

Ergo — яблоко нарисованное для него совсем не существует. Он признает только нормальное и здоровое ощущение, которому не нужно ни видеть предметов своего вкуса повторенными в искусстве, ни поддразнивать свой аппетит.

Ergo — ему нет никакого искусства и никакого отношения к искусству.

Но мы взяли дело с его наиболее рельефной стороны. Возьмем его поглубже, проверим отношения различных формул, и притом в большей подробности, к двум-трем каким-либо гениальным, бесспорно признаваемым всеми поэтическим образцам.

Чтобы взять нечто бесспорное, такое, в чем бы всякая формула могла найти, хоть с натяжкой, свое, возьмемте какую-нибудь из драм Шекспира. Мы не предлагаем ни Шиллера, которого красоту и правду способен отвергнуть узкий реализм, и, сохраняя благоговение к которому, некоторые матерьялисты сами обличают свою непоследовательность, ни Гомера, вполне, т. е. не рутинно доступного только немногим идеалисто-реалистам. Скажут нам, что и Шекспира некоторые идеалисты не понимали: ведь не понимал же, например, Жуковский Гамлета⁸! Но ведь есть и узкий идеализм, как есть узкий реализм.

Мы избираем драматические произведения именно потому, что в отношениях к ним нельзя никакой формуле оставаться хладнокровной. Над лицами произносится зрителями тот или другой суд, и в суде-то этом сказываются преимущественно известные жизненные требования.

Возьмемте сначала хоть «Ромео и Джульетту». Отношение к этой драме правильного идеализма и правильного реализма рассматривать нечего. Разница в этих отношениях будет только в том, что реализм поймет драму проще, — в крайних своих проявлениях, как в высшей степени правдивое по своей сущности, хотя странное по языку и формам представление страстных половых отношений. Нравственное мерило его будет здесь весьма здоровое и верное. Ну что ж? скажет он: бывает и может быть, но только редко. И чтоб показать вам, как редко это бывает, он с беспощадною правдою расскажет вам повесть о браке по страсти Сергея Петровича Хазарова с Мари Ступицыной, не упустивши из виду даже Фра-Лоренцо в отрицательно-комической фигуре М-ме Мамиловой⁹. Идеализм поймет это — по словам великого идеалиста-реалиста Лессинга — единственное творение о любви, которое сама любовь писала, как в высшей степени поэтическое представление борьбы на жизнь и на смерть одной из законнейших пружин души человеческой с окружающими ее препятствиями, как известного

рода идеальный кодекс и почти что пропустит без внимания исключительность положений и характеров. В этом только и будет вся разница, да разве еще в заключительном вопросе, который идеализм и реализм могут себе задать по поводу героев драмы. Оба они — и идеализм, и реализм — знают очень хорошо, что «Ромео и Джульета» не могли бы вечно остаться такими, какими изобразил их поэт:

Ромео умер... с ним Джульета...
Шекспир знал жизнь как бог...¹⁰

Но идеализм невольно скажет при этом случае великий стих своего любимца:

Esist das Loos des Schönen auf der Erde!*¹¹

а реализм не пришел бы в отчаяние, если бы Ромео и Джульета остались живы и перешли бы в более мирные и спокойные отношения. Ведь сумел же привести реалист Толстой свое «семейное счастье» к умиротворяющему и вместе несколько не мещанскому исходу...¹² И идеализм и реализм вообще пополнили бы здесь друг друга при взаимном столкновении. В самой драме между двумя ее политическими фигурами стоит истинный реалист Меркуцио с его циническими выходками и поэтической натурой, способной до такой тонкости понимать и передавать чары царицы Маб, — реалист Меркуцио, умирающий из-за дела, которое он сам прокликает.

Узкий идеализм будет недоволен цинизмом кормилицы и слуг, пожалуй, домашнею обыденностью некоторых сцен, пожалуй, самим Меркуцио. Ему все будет хотеться урезать как-нибудь полную драмы жизнь. Узкий реализм назовет ее просто приторною в наше время, и, разумеется, грех его будет тяжелее греха узкого идеализма: тот хоть что-нибудь в драме понимает, он — ровно ничего.

Мы забыли сказать, что как идеализм, так и реализм оба поймут, только, конечно, по-своему, — один религиозно, другой разсудочно, но в конце концов одинаково — веру Шекспира в разумность жизни, в ее последовательность при всех видимых случайностях.

Матерьялизм будет настаивать на слепой случайности, будет насильственно отыскивать атеистическое воззрение в Шекспире. Вообще же, если он будет последователен, драма Шекспира его не удовлетворит. Ему больше понутру придется восторженный гимн любви Дон-Жуана и Гайдэ в Байроне¹³. В своих крайних последствиях он должен написать барковскую пародию на драму Шекспира.

* Это участь прекрасного на земле! (нем.). — Ред.

Отношение скептическое будет, разумеется, *половинное*.

Но что делать нигилизму с «Ромео и Джульетой»? В сравнении с своим старшим братом — матерьялизмом он ведь слишком трезвый мещанин, чтобы желать красок гуще и сильнее. Он вообще может сказать только по отношению к этой драме то, что Вольтер, непонимавший музыки, сказал, обращаясь к музыке: «Sonate, que me veux-tu?» *¹⁴ Так и он спросит: «Драма, что тебе надобно? Зачем ты мне?» Больше ничего он сказать не может.

Таким образом, в конце концов формула нигилизма неприложима к искусству. Искусство может быть идеальное, реальное, пожалуй, матерьяльное, но нигилистического искусства нет и быть не может. Нигилизм в искусстве значит просто чистое, голое отрицание искусства и его явлений как вещей, абсолютно ненужных жизни, недолженствующих существовать.

Одним словом — искусства нет более. Оно умерло, оно отжило.

Это слово было сказано даже недавно мыслителем, хотя и беспощадным в своих логических выводах, но способным глубоко сочувствовать искусству. Свой страшный — для него самого страшный, мы уверены, — вывод он основал преимущественно на мизерности и ничтожности современных явлений искусства. Хотя здесь, допрашивая современное состояние искусства, он слишком увлекся отрицательно, хотя странным образом он пропустил как будто без внимания множество явлений, свидетельствующих о явных признаках живучести и жизненности искусства, но тем не менее слова его, как всегда почти, дают ключ к разумению того, что носится в воздухе, нас окружающем.

Искусство умерло, или, по крайней мере, *должно* умереть как вещь ненужная — вот последнее слово нигилизма. Но это только последнее, крайнее слово. До него еще надобно дойти. Покамест хоть с затаенной досадой, а надобно признать его существование. Явления существуют, надобно же с ними когда-нибудь мириться. Но как же мириться с ними нигилизму? Матерьялизм фанатический мог бы по крайней мере обращать их на служение себе в своей идее; нигилизму никакое служение не нужно. Ему главным образом нужно, чтобы никаких подобных явлений не было. Но, повторяем, это уже его последнее слово, слово его зрелости. Покамест же он сам еще юн, еще окружен каким-то таинственным нимбом. Еще Базаров ищет адептов и сеидов¹⁵.

И нигилизм выступает на первый раз как доктрина.

В приложении к искусству доктрина эта является как отрицание всяких законов искусства в явлениях искусства, в полнейшем разнуздании личной свободы в искусстве. А так как все законы искусства

* Соната! чего ты от меня хочешь? (фр.). — Ред.

приводятся в сущности к одному закону, к идеалу, то отрицание идеала и становится на время главной задачей нигилизма в его приложении к искусству.

Большая часть явлений, нас окружающих, на первый раз как будто служит подтверждением этой задачи нигилизма. Идеал, стоящий перед большею частью наших деятелей в искусстве, так мелок, что почти и незаметен. Мы думаем, что не нужно подтверждать этой мысли указаниями на явления. Подите на первую живописную выставку, и, останавливаясь перед лучшими, перед талантливейшими произведениями, вы ужаснетесь отсутствием идеала; читайте большую часть современных литературных произведений, вы поражены будете тем же самым ужасом. Разбирая раз в нашем журнале вещь г. Генслера¹⁶, мы, помнится, назвали ее огромным холстом с маленькими кадрами, из которых каждый сам по себе в высшей степени замечателен, но которых этажи и ряды производят в высшей степени утомляющее впечатление: видишь талант с отсутствием какой-либо целостной концепции, весь разбросавшийся на мелочи, весь растерявшийся в подробностях. Мы указываем на это явление как на одно из знамений нашего времени, и притом из знамений новейших. Еще могли бы мы указать на распространившуюся страсть к пародиям, если бы не боялись придать этой страсти слишком большое значение и если бы она не была чисто нашим местным явлением.

Но разве о бок с этими различными нигилистическими стремлениями нет иных?.. Согласитесь, что ведь всем, чем хотите, пожалуй, хоть безнравственностью с тупоумной точки зрения, упрекнете вы, например, Виктора Гюго за его последнее произведение, но уж никак не отсутствием идеала. Ведь всем тоже, чем угодно, можете вы попрекнуть Вагнера, но тоже не отсутствием идеала. Иногда под мучительною борьбою стремления к идеалу падают великия жертвы, как Иванов, как Гоголь, но ведь если бы они пали, совершенно ничего не достигнув, не показавши, какой громадный идеал стоял перед ними, то можно было бы действительно прийти в отчаяние и за идеал, и за искусство. А ведь согласитесь, что они пали на полупути. Может быть, так падет, например, и Вагнер в своих музыкальных реформах; да что ж из этого? Идеал, им отчасти уже показанный, найдет себе иного, менее нетерпеливого и тревожного служителя, как, например, тревожившие Гоголя положительные задачи русской жизни отозвались в спокойной деятельности Островского.

Идеал неисчерпаем, и, стало быть, искусство вечно. В это мы крепко веруем. Но боясь, чтобы идеализм нашего взгляда не был понят ложно, не был сочтен за односторонний, за теорию «искусства для искусства», кончаем нашу заметку некоторою оговоркою насчет идеализма и идеального взгляда.

Собственно говоря, на жизнь (а стало быть, и на искусство) только и могут быть два взгляда. Взгляд *утилитарный*, вера в теорию, вера в прогресс отвлеченного человечества, в конце концов уничтожающий народности, искусство, философию и историю, и взгляд *идеальный*, вера в жизнь и в ее неисчерпаемую бесконечность с признанием вечности всего.

Идеальный взгляд вовсе не так непримирим с тем, что в утилитаризме есть *живого* и для жизни вообще *нужного*.

В сущности, этот идеальный взгляд, признающий одно только законное мерило — душу человека, от века и до века единую, узаконивающий потому все ее требования, от века до века единые, все, даже, по-видимому, самые противоречивые, неверующий в возможность истощения ее сил на произведение *великого* и *прекрасного* (подразумевается, что это неверие не отрицает возможности какого-либо геологического переворота), равно узаконивающий как «требования» (*postulatum**), как потенции, все — от аскетизма до утилитаризма, — гораздо ближе к взгляду материальному и физиологическому, чем взгляд утилитарный, всегда совершающий идоло-жертвенную требу последне-родившейся теории, хотя бы это была даже теория нигилизма.

* Требование (*лат.*). — *Ред.*